

18+

Сборник рассказов

Клуб
Анонимного
Десятва!

Дарина Долен

2026

Дарина Долен

Клуб Анонимного Детства

«Издательские решения»

Долен Д.

Клуб Анонимного Детства / Д. Долен — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-698016-7

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В сборнике представлены рассказы, стихи и сценки в разных жанрах. Произведения посвящены современным реалиям человеческой жизни, Санкт-Петербургу, памяти девяностых годов и святому времени детства.

ISBN 978-5-00-698016-7

© Долен Д.
© Издательские решения

Содержание

Клуб анонимного детства	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Клуб Анонимного Детства

Дарина Долен

© Дарина Долен, 2026

ISBN 978-5-0069-8016-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Клуб анонимного детства

Сценка

Только представьте: вы в театре. Он не большой и не маленький. Уютный. Перед вами совершенно темное пространство.

Вместо сцены — пустота. Ни звука. Сторона зрителя освещена мягким теплым светом. Вы можете рассмотреть людей вокруг и красивое убранство зала — позолоту, лепнину. Огромная люстра на потолке мерцает, словно тысячи росинок на рассвете. Вы чувствуете запах старинного, благородного дерева. Переливаются бархатные тяжелые шторы, закрывшие наглухо окна. Под рассеянным светом ткань расплескалась всеми оттенками красного: от темного божьего бордо до кричаще открытого светлого кадмия.

Пока не началось действие, вы подмечаете, как дышит зал. Кто-то снимает все на телефон, кто-то дергается, потому что платье, заказанное через интернет, оказалось сшито из полиэстера, и от него зудит кожа, словно по ней прошлись наждачной бумагой. Кто-то приобрел в гардеробе монокль и крутит его в руках без конца, поднося агрегат к глазам и снова опуская ниже, пытаясь что-либо разглядеть в загадочной темноте сцены. Кто-то принял на грудь задолго до начала и теперь мирно сползает с кресла.

Вы тихо переговариваетесь с подругой или мамой и не замечаете, что занавес уже подняли и свет остался лишь в зрительном зале. Вы не знаете, что действие... уже началось.

Лишь спустя какое-то время вы начинаете слышать шаги в темноте, они разные: тяжелые и легкие, быстрые и медленные, глухой звук от офисной подошвы и звонкий — от высоченных лаковых шпилек. Кажется, эти туфли красные. Вы слышите стук, скрежет. Кто-то тяжело дышит и что-то тащит.

Один за другим зрители устремляют взгляды на сцену, гул стихает, уступая место плотному молчанию. Только шаги. Много их? Мало? Куда идут эти люди?

Вы не заметили, что свет в зале сделался еще тусклее, потом еще, но все еще не исчез совсем.

***

Жизнь складывается у людей по-разному. Как ни крути, когда мы выходим из учебных учреждений, то все достаем большую ложку и начинаем пробовать реальную жизнь. Та самая определенность, которая была в садике, школе, институте или колледже, заканчивается. И вот уже отличник сидит в офисе, а пустомеля с задней парты — открывает бизнес. Или, наоборот, тут уж как сложится. Девочки выходят замуж, вьют гнезда, разбивают сердца и идут дальше, сражаясь с рутинными буднями. Или совершают подвиги и открывают собственное дело: салоны красоты или блоги в социальных сетях.

По сути, все мы не так много знаем о будущем. Нам кажется, что будет одно, а выходит другое. Если вспомнить: как отчаянно мы хотели повзрослеть! Все самое интересное, казалось, ждет нас впереди. Поскорее бы накрасить губы или купить вместо игрушечной машинки настоящую. Выйти из дома и гулять до утра, целоваться, покупать самую неправильную и от этого вкусную еду, а не надоевшие щи. Модные джинсы, новая приставка, большая собака. И, конечно, мы все станем настолько успешны, что те, кто нас задирал или не оценил, обзавидуются и удавятся. Нас не коснутся ни ипотека, ни послеродовая депрессия, ни лишний вес, ни отсутствие смыслов. Или это все будет потом.

Но это «потом» наступает быстро, и фраза «вырастешь — поймешь» бьет по нашим мечтаниям сразу после первой оплаты коммуналки или выплаты по ипотеке. А может, после счета за молочные зубы у любимых детей или приобретенной грыжи. Поэтому взрослые люди часто, несмотря на всю свою занятость, снова встречаются в одном месте: снова в детстве.

В большой комнате без мебели собрались люди. Постарше и помладше, в разной одежде, в разных ботинках. У кого-то проступила седина, кто-то недавно вырвал зуб, кто-то сменил третье место работы за полгода. Кто-то развелся, кто-то женился, кто-то остался полупьяным после недельного запоя. В темноте все были равны. Гости сели в круг на самые простые стулья. В полумраке остались заметны лишь очертания фигур с сутулыми, усталыми плечами.

Ведущего не было, как и четких указаний. Единственное, что нужно было сделать — это выключить все телефоны. Не поставить на беззвучный режим, а именно отключить. Еще одно условие: никто не должен был называть ни своих имен, ни профессий.

Как только все расселись, свет погас. Совсем. Казалось, что наступила ночь, самый темный час. Пространство погрузилось в молчание, оставались слышны только шорохи одежды и дыхание соседа. У кого-то тряслась нога. Сколько времени прошло в тишине, никто не знал.

Сначала было очень темно.

— В моем к... — человек запнулся. Но потом продолжил. — В моем краю зима длинная была, — молчание нарушил негромкий, слегка хриплый мужской голос, он первый занял пространство не только в комнате, но и в ушах слушающих. — Долгая... Деревянный дом от инея казался белым. Никаких особенных увеселений у нас не было, только теплая печка и ледяная горка. Заливали мы ее сами. Дом был построен в небольшом овражке, мы склон водой из ведер зальем — вот тебе и горка, знай себе по этому склону катались, кто как кувыркался. И, естественно, в конце пути был естественный тормоз — стена. Как мы ноги там себе не переломали — к Богу вопрос, склон хоть и короткий, но крутой был, — мужчина тихо хмыкнул и затих, в комнате снова повисла тишина. Шуршала одежда.

— А в нашей деревне забава была — кидать камнями в коровьи лепехи! — из темноты послышался голос помоложе. — Мы называли их минами, и самое главное было — найти достойную мину! Не все подходили. — Одобрительные смешки. — Они-то везде были: и у дома, где коровы проходили, и в поле, где они паслись. Но лепеха должна быть большой! Круглой и с подсохшей слегка корочкой.

— У вас, как я понимаю, был основательный подход? — раздался голос молодой женщины. Стало понятно, что она улыбается, для этого не нужен был свет.

— Конечно! От этого зависел успех всей операции. Так вот, берешь камень среднего размера и с размаху кидаешь в лепеху! Только кидать нужно аккуратно, чуть сбоку, — парень растягивал слова и говорил с выражением мастера-стратега, — только тогда все содержимое улетает в бедолаг, которые оказывались по другую сторону от лепехи! Но бывали и осечки, конечно. Тогда мина разлеталась во все стороны и место взрыва окутывал незабываемый запах! В отличие от мин другого происхождения, коровья имела аромат скошенной травы!

Раздались негромкие аплодисменты.

— Да вы поэт!

В дальнем углу комнаты теплым светом загорелась лампочка. Во мраке она казалась размытым и сказочным отблеском далекой звезды.

— А у нас был личный диснейленд. Мы прыгали в сено с перекладыны под крышей амбара. И техника у нас была необычная — с раскруткой: закрутишься, раскрутишься и летишь. Один мальчонка так без зубов правда остался. Еще мы соседнего мужика дразнили, он чудило был, с ружьем. Мы его и других мужиков у пивнушки караулили, чтоб бутылки попросить и сдать потом. Если в городе были, надевали роликовые коньки и цеплялись за едущую машину — рискованное дело! Если не удержишься, то колени в мясо разобьешь и подзатыльник от матери получишь. Еще тупее было попасться водителю, хоть на сломанных ногах, но изволь удрать! Выпрыгивали в жару под поливальные машины, чтобы нас окатило. Следили за старшими сестрами, а у кого братья были — за братьями, читали личные дневники и любовные записки. Воровали недокурные бычки из пепельницы и раскуривали. Подкармливали кошек, собак и бомжей, которые ошивались во дворе. Воевали против девчонок: строили в

кустах штабы особого стратегического назначения, выискивали, где они в кукол играют и супы из травы варят. Особенно нравилось втихаря туда пробраться и подложить... Ну, мину, про которую раньше разговор шел, только мы любые мины использовали!

— Так вот, кто это был!

Смешки. Загорелась еще одна лампочка.

Женский молодой голос.

— В городе у бабушки, на соседней улице, располагавшейся ближе к железной дороге, строили частные дома. Были выкуплены и несколько старых, заброшенных участков, стройка длилась несколько лет. Под дикими и садовыми яблонями долго лежали большие бетонные блоки. Мы любили приезжать туда летом на великах, забирались на блоки и сидели. Много ли нужно в детстве, чтобы почувствовать себя на высоте. — Негромкие смешки, незаметно для себя люди кивали на сцене и в зрительном зале. — Мы собирали яблоки, распихивали их по карманам. Они даже не созрели еще толком, но разве это было важно?

— Сколько зеленой клубники с грядок было пожевано! — прозвучал голос и стих.

— И я о том же, — женский голос продолжил. — Мы жевали эти кислые яблоки, протирая их рукавами. Что было грязнее — даже не скажу! Еще мы встречали закат. Я помню эти мгновения, как сейчас. Вид простирался, казалось, по всем сторонам, солнце красиво заигрывало с листвой и роняло на воду небольшой речушки тяжелые золотые блики. Оно садилось и уводило день за собой, словно за руку.

Небольшая пауза. Голос продолжил.

— Каждое лето мы играли с деревенскими кошками. Купались в одежде. У нас были свои особые задания, например пересечь большую реку по плитам от старой разбитой плотины. Если шел дождь, то капли были крупными, тяжелыми, не то что в городе. Мы оставались на реке и становилось непонятно, где больше воды: в реке или в небе.

На этих словах голос затих. В темноте робко появился блеск света, стали проявляться силуэты. Глаза гостей привыкли к полумраку. Казалось, где-то за невидимым окном пошел проливной дождь. Кто-то из гостей вспомнил растопленную вечером деревенскую печку. Но не рассказал об этом.

— Много лазили по деревьям, строили на ветках шалаши, даже старые коврики умудрялись туда таскать, чтобы создать уют. Жгли пенопласт и покрышки, плавали по лужам на деревянной двери, которую стащили с помойки. В то время дожди летом бывали такие, что ливневка не справлялась и весь двор топило. Зимой рыли в снегу пещеры с коридорами и комнатами, представляли, что это замок. Играли в «Земельки»: чертили на земле большой круг и делили его на несколько секторов, в зависимости от числа участников. Дальше по очереди кидали ножик, если он втыкался в территорию противника, то нужно было провести линию и забрать часть «вражеской земли». Выигрывал тот, кто захватывал весь круг. Еще любили крутить в руках зажигалки, как современные дети крутят спиннер, или с силой бросали их об асфальт, чтобы они взрывались. Насаживали разного цвета пластмассовые крышки от газировки на веревки, проделав в них дырку горячим гвоздем. Туда же крепили оставшиеся от крышки кольца с вывернутыми шипами и представляли, что это модная игрушка йо-йо. Фишки еще были с покемонами — за них дрались и почти продавали души. А еще нужно было очень аккуратно заходить в чужой двор. В то время через дорогу перейти — как в другой город попасть. Там свои блатные были.

— Это да...

— Бывало такое.

— А мы зимой под качелями ямку рыли и в нее ложились, как в окоп. Качели здоровые были, туда-сюда катались, а твое лицо оказывалось в паре сантиметров от железной, проносимой на скорости трубы. Незабываемое ощущение.

— Ха-ха-ха, у нас тоже во дворе такие качели стояли, но мы ничего не рыли, просто ложились под них и зимой, и летом. Друзья с радостью их раскачивали, а ты лежи, и не дай бог голову поднять. Я пару раз поднял, не удержался. Искры из глаз — это мягко сказано.

— Хорошо, что хоть без последствий!

— Ну, это как посмотреть...

— Еще были «блевотроны». Боже, этот корабль был только для самых отважных.

— Это точно!

— Вот тебе и вестибулярный аппарат.

— У меня до сих пор голова кружится!

Смех. Лампочка.

Кто-то расслабил плечи, кто-то сел ровнее, нога прекратила дергаться. Постепенно добавлялось освещение, людей стало видно чуть лучше. У кого-то блестели волосы, у кого-то глаза, кто-то закинул голову и смотрел в потолок, скрестив руки на груди. Кто-то снял надоевшие туфли, шпилька с обидой и облегчением звякнула об пол. За ней последовали скрипучие ботинки, китайские кроссовки. Слетело несколько пиджаков, распустились волосы. Впервые за очень долгое время наушники вынулись из ушей не потому, что надо, а потому, что хочется.

Глубокий вдох и выдох.

Непонятно откуда — но вроде бы слева — послышалась тихая возня. Кто-то активно решал, кому именно стоит первому начать рассказ.

— Давай ты.

— Нет, ты.

— Ты же нас сюда притащила!

— Ах ты...

Возня. Несмотря на важность вопроса, кто же будет первым, голоса не были злобными или настороженными. Скорее, смущенными и смешливыми. Многим подумалось, что это молодая пара, что они уже давно вместе. Что они держатся за руки. Возможно, они недавно приехали в Питер, возможно, их уже штрафовала ГАИ, возможно, их с нетерпением ждет дома маленький пес. Но кто знает...

Первым послышался голос молодой девушки. Она улыбалась, это было понятно. В темноте слух обостряется.

— Когда я была маленькой, то просила у родителей подарить мне живую собаку на любой праздник, будь то Новый год или день рождения. Но мне всегда почему-то дарили игрушечную. Я очень расстраивалась — сравнили тоже! Но нужно было жить дальше, несмотря на смертельное разочарование. И вот однажды летом мы с ребятами гуляли в моем любимом городе Порхове по улице. Там рос очень красивый, большой и ароматный куст сирени. Мы всегда искали там цветы с пятью лепестками, клали их в рот, жевали и загадывали желание. В тот раз я долго копалась и даже отчаялась, как на глаза попался семилистник! Не могу передать, что чувствовала! Я смотрела на этот маленький цветочек в упор, и у меня тряслись коленки. Не сказав никому ни слова, я сорвала его, положила в рот и, смакуя, снова загадала получить собаку! Все мои мысли были о ней. Чего же еще желать! Через пятнадцать минут мы с друзьями все еще топтались у сирени, разыскивая сокровища. К нам подошел мой отчим и сказал: «Едем забирать щенка». Моему счастью не было предела! Так в нашей семье появилась собака — Рей. Сейчас, когда я стала взрослее и когда мне бывает грустно, я ловлю себя на мысли, что ищу куст сирени, а когда нахожу, мне становится легче.

Девочке немного похлопали.

— Ну, давай, теперь ты, — послышался шепот.

Парень выдохнул и приступил.

— Меня никогда не били родители. Но однажды, в прекрасный солнечный день, у себя дома в Великих Луках я сотворил ужасную пакость. Правда, я уже не помню какую. Мне

было всего четыре года. Конечно, родители быстро обо всем узнали. Папа стал ругаться и взял ремень, а я, сообразив, что мне пришел конец, наутек понесся в родительскую комнату и хотел спрятаться под кровать. Надежный, казалось бы, был план. — Одобрительные смешки. — Но у меня не вышло. Понимаете, моя попа осталась снаружи. Головой-то я влез, а дальше — застрял! Родители пришли вершить надо мной страшный суд, а я в такой позе. Ни туда, ни сюда! Неудобно. Они меня пожалели, не стали пороть и потом, когда происходило разное, даже не пытались. Видимо, решили, что оно того не стоит и мало ли где я еще могу застрять в таком вот положении. Не бойтесь порки и помните про сирень!

В темноте раздался негромкий теплый смех, зажглись лампочки. Возможно, молодые люди еще крепче стали держаться за руки.

— Мы осенью собирали во дворе огромную кучу листьев и прыгали в нее с качелей. Бесили дворников, но они с пониманием относились. Еще ходили по трубам, и там была колючая проволока и стекловата. Однажды подруга поскользнулась и упала ногами прямо на проволоку. Ноги были в сандалиях. Мы ее еле вытащили, ко всему ужасу там было достаточно высоко, хорошо, что нас было много. От собак не бегали, кормили их и любили, кто мог уговорить родителей, забирал мохнатого друга домой. Отмывали и гуляли потом с бобиком. Помню, мой брат в детстве плавал на поддонах в строительной яме. Они с мальчишками петарды все время взрывали: напихают в пластмассовую бутылку и типа бомба. Еще помню, как мужик из окна с пятого этажа упал, пьяный был.

Помолчали. Из самого отдаленного угла, как казалось, в темноте-то не видать, послышался продолжительный выдох. Кто-то хотел сказать о наблевшем. Такое ощущение повисло в воздухе и держалось до первого звука. Человек сидел ближе всех к выходу, он не хотел произносить слова.

— Мое детство почти ничем не отличалось от вашего: горки, зима, коробки, кроме одной детали, одного человека. Она сильнее всего врезалась в память, ни до, ни после такого не было. Все остальное размыто. Мы росли вместе: один двор, одна улица. Потом учились в институте, я поступил на психологический факультет, она — на педагогический. Тусили вместе, отношения как-то закрутились сами собой, я не скрывал симпатии, но и не действовал. Честно признаться, в рассказни о всеобъемлющей любви я не верил. А вот в расстройство личности — да, тем более что я их видел и изучал. Все случилось внезапно, словно вспышка на солнце. Нас обоих замкнуло. Это было тяжело, как зависимость, не романтика по большому счету, а именно мучения. Чем ближе мы становились, тем было больнее, а мы провалились друг в друга. Потом качели, угрозы, безумие. Я лежал в больнице, пил таблетки, она тоже лечилась от срывов. Алкоголь, молодость... Все это привело к взрыву. Я понимал, что не выдержу, что еще раз — и меня точно посадят в психушку надолго, что вся моя учебная деятельность будет разрушена, и я просто уехал. Собрал одну сумку, взял рабочий ноутбук и уехал. И вот спустя несколько лет вернулся. Вы когда-нибудь встречались с тем самым человеком через какое-то время? Возможно, на улице, возможно, в компании. В голове проносятся звуки, в кончиках пальцев пульсирует сердце, на языке появляется тот самый привкус. Но это уже совсем незнакомый человек. Забавно, как может вся жизнь уложиться в одно имя — имя этого чужого человека. А ведь были просто дети. У Булгакова есть рассказ «Морфий», там записи из дневника молодого врача про тяжелую, развивающуюся зависимость. Но началось все так же: с человека и желания о нем забыть.

— Вы доктор?

— Я был доктором. Сейчас, слава богу, я лишь голос в темноте.

Обладатель голоса встал со стула, шелестнул верхней одеждой и тихо пошел прочь.

— Мы все здесь лишь голоса в темноте, — сказал кто-то и запнулся. — В конце концов, вам как доктору это должно быть известно лучше всех здесь присутствующих. Мы... — Человек брал высокие ноты, потом останавливался и снова продолжал свою речь. Он говорил всем

и каждому, и тем, кто сидел на сцене, и тем, кто находился в зрительном зале. — В утробе матери мы все находимся в темноте, и я уверен — слышим голос, который со временем станет самым любимым и родным. Все начинается там, где нет света. Во вселенной темно, но там полно жизни, которую мы и представить себе не можем, главное — не остаться во мраке навсегда, а переродиться. Мы все выйдем из этой комнаты, а вы не оставайтесь слишком надолго со своим горем, — обратился он к уходящему доктору. — Вам стоит простить себя.

Шаги на мгновение остановились. Кажется, кто-то услышал «я постараюсь», но это не точно. Кто разберет в темноте.

Помолчали немного.

— А меня бабушка на рынок ранним утром за сметаной посылала. Рынок тогда деревянный был, уличный, посреди поселка стоял, все там друг друга знали. А сметану или молоко разливали из огромных бидонов ковшиком с длинной ручкой. Яйца куриные, рыба, выловленная пару часов назад. Ягоды сезонные, грибы, мед, у кого что с огорода. Рукоделие всякое и выпечка. Все на рынке было. Нравилось мне туда ходить, хоть и осы там летали. Главной ценностью тогда у бабушки были банки. Стекланные банки и крышки от них — не железные, а резиновые, что ли. За эти банки тряслись, а я что-то забылся: пошел, как обычно, яйца взял, и банку сметаны мне налили. Иду себе и вижу: вдалеке девчонки на качелях качаются. Я решил повыеживаться и давай эту банку, полную сметаны, подкидывать и ловить одной рукой. Приноровился, чем ближе к ним, тем выше банку подкидываю. И вот мимо них с таким длинным вздернутым носом прохожу, аж сам себе рад! Одним глазом на соседскую девчонку посмотрел, отвлекся, и банка пролетела в миллиметре от руки. Разбилась вдребезги! Девчонки хохотали, им тоже за банки доставалось. А я еще выше нос задрал, рукой на эту банку с медленно растекающейся сметаной махнул и дальше пошел, типа ничего и не было. А у самого сердце в пятках, сопля на плече! Получу, думаю, сегодня. И получил, конечно. Но бабушка новую банку дала, я снова пошел на рынок и на этот раз не паясничал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.